
И. М. ВАРЗАРЬ

Межрегиональная Академия управления персоналом, г. Киев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОВИНЦИАЛИЗМ ПОД АНАЛИТИКО-МИЗАНТРОПИЧЕСКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ

Наукові праці МАУП, 2017, вип. 52(1), с. 5–26

Понятием “политический провинциализм” автор фиксирует достаточно новое явление в политической жизни любой транзитной страны, постепенную деформацию ее социума, политико-речевую варваризацию, примитивизацию политической сферы.

На микро- и макроуровнях исследуемое в статье явление — древнеримского происхождения. Об этом поведал нам **Дж. Вико** (1725 г.), разбирая некоторые детали доклада одного молодого полковника Сенату о пребывании “с контрольной миссией” в новоприобретенной Римом провинции. Полковника в той провинции особенно возмутили “низменность мысли и дел всех провинциалов — и плебеев, и свободных граждан, и даже назначенных Римом руководящих лиц...” “Подобный провинциализм, — заключал он, — может подточить и основы Великого Рима...” Комментируя этот эпизод, Вико записал в своей новой этнологической науке: “Таков облик провинциализма от века и донныне... Каждый подчиненный человек естественно жаждет избавиться от рабства”. Но, “оставаясь “в себе” провинциалом, он совершает и подвиги, и ошибки, себе же подобные...” Если же, наконец, провинциалы “продадут свою естественную свободу властолюбцам”, — в той местности “начнут возникать партии, восстания, гражданские войны..., и им всем итог — взаимное истребление наций” [6, 240, 246, 417].

Ни добавить — ни отнять: нам дан историологический очерк социально-политической проблемы, некогда мною затронутой лишь в общетеоретической постановке [3, 29–34]. Более детальные аппликации проблемы к нашим реалиям — предмет внимания автора предлагаемой статьи. Ее целеполагание и смысло содержание раскроются в ходе изложения материала.

Для начала в нескольких штрихах коснусь только мизантропического смыслового текста некоторых далее изложенных материй. Уже в первых интонациях и дальнейших междуярдях статьи, должно быть, видно будет, насколько мне этично неприятны понятия “культурно-недоцивилизованная провинция”, “популистски-провинциализированная политика”, “провинциализированный народ”, “провинциализированная страна” и “политический про-

винциализм”, — и не только на уровне мирозерцательном, но и лично-ментальном... Кстати сказать, статья написана по-русски неспроста. Большая часть задействованных в тексте политико-провинциальных вербалий досталась нам от советско-русского образа жизни, и о них да ими “по-шевченковски” писать считаю негоже, а поближе к матерному языку **А. И. Лебеда** — получается, как кажется, вполне прилично. Однако просил бы заметить; что эта эскапада — не моя мизантропия, а стилевой огрех.

Свою сознательную жизнь, — начатую в низовонародной политической среде, — я сопрягаю в диалогии “политическая история — политический провинциализм”. С пятнадцати лет и до порога 90-х годов XX в. мною распоряжались два суверена — неумолимая политическая история и всемогущая политическая партия (КПСС). Целых сорок лет (50–80-е) — по велениям этой партии — я передвигался по провинциям огромной (пятисотнародной!) страны и, как мог, исправно учился и работал там и тем, “куда и на кого посылали”. Разве ж могу я искренно уважать свое провинциальное бытие двух третей, — да лучшей, молодой части прожитой жизни?!!

Рубеж 80–90-х годов оказался для меня не Рубиконом, а Кавдинским ущельем. Как некогда резонировал молодой **М. М. Жванецкий**, я “не успел вырваться из прошлого, как тут же влип в настоящее” [13, 209]: за постперестроечным порогом — Украинская Независимость. Это понятие я уважаю, но не извилисто придаваемые ему политическими провинциалами формы, а его адекватное смыслу, внутреннее содержание. Однако и тут — да на протяжении всех двадцати пяти лет — в провинциалистских клещах меня держат два других суверена, которым я, тем не менее, законопослушно служу, — **недопрофессиональные политики и политически непросвещенный трудонизовой народ**. Обоих суверенов слушаюсь, боюсь, но уважать их себя заставляю. По весомой да общезначимой причине: оба никак не разберутся в том, где у них кончается “государство”, начинается “общество” и продолжается “страна”, а в этой связи никак не возьмут в толк, кого же и за какие качества следует избирать/назначать в президенты и премьеры, министры и администраторы, политики и функционеры, лидеры и депутаты; кто конкретно и чем должен заниматься в политической сфере, где кончается эта сфера и начинается царство народовластия, — пусть бы это касалось наиглубиннейшей тмутараканской провинции.

Без малого три десятилетия я — в качестве политического эксперта — разрываюсь в стремлениях чему-то полезному научить нескольких действовавших и еще действующих политиков, а в качестве университетского профессора — по возможности основательно подготовить к строго профессиональной жизни в политической сфере сотни народных детей, именуемых “студентами-политологами”. Но — и на той, и на этой стезях — не во всем и не всегда удается преодолеть сверху и снизу накиннутую всем планку провинциалистского небрежения к точности и концептуальной “обрамленности” мышления и поведения в материях и коллизиях политической сферы.

Половину самостоятельной жизни я провел в кадре “меня посылали на работу в провинцию”, другую половину — в кадре “меня посылали на провинциальную работу”. И обе половины проведены в Украине: тридцать лет

“советской окраски”, двадцать пять лет — мнимосуверенной окраски. “В сухом остатке” оказался в адмирационально взрывной, но искренней коллизии, вынужденным сказать себе про Украину, как **И. Г. Эренбургу** про Францию: “Зачем только черт / Меня с пристрастием дёрнул / Влюбиться в чужую страну?!” [32, 472].

В самом же общем итоге как-то получается так, что и в объективном, и в субъективном смыслах я — своеобразная жертва политического провинциализма. Иногда даже кажется, что и я — носитель неких его постыдных черт. А уже в этом срезе вопроса, моя статья — некая несмелая попытка высвободиться из объятий этого “черного человечка”, тенью шастающего за мной по закоулкам — и даже по “светлым участкам” — политической сферы. Как говорил К. Юнг: “Каждый носит свою тень”. Юнговская тень неожиданно и динамично стала густеть с первых же лет политической суверенизации Украины, — когда волею судьбы я оказался втянутым в научно-консультационную и экспертную работу с практическими политиками — депутатами, партийными лидерами, министрами, премьерами. Тогда-то в моей апперцепции и четко откристаллизовался субъектный квадрат “успешных провинциализаторов страны”, указанный чуть ниже в статье...

Одна из “непричесанных мыслей” **С. Е. Леца** гласит: “Есть такие — одновременно и великие, и пустые — слова, в которых можно “заключить” целые народы” [19, 454]. Думаю, польский поэт и философ не обиделся б, если его мысль была бы уточнена: эти слова для меня — политологемные понятия “политическая элита”, “политическая партия” и “народный депутат”, — политические субъекты, которые в любой стране есть (точнее, должны быть!) плотью и костью от плоти и кости народа. Это они до того методично и основательно опустошили творческие силы народа, что и сам он стал глубинным источником провинциализации и самой страны, и государства в ней, и всемыслимых областей внутренней и внешней политики, и экономики с политикой “во главе”, и науки с культурой без этико-правового стержня внутри них. Без вуали и эзопики, — о четырехчленном фигурном ряде: **народ — элиты — партии — депутаты**, — о них, провинциализаторах страны, поведу, как кажется, доказательную и непримиримо мизантропическую речь.

Со всеми ими, как с политическими субъектами, — “с каждым в отдельности и совокупно”! — доподлинно знаком с пятнадцатилетнего возраста. А потому, заглянув в подвалы политической памяти и совести, лучшей на этот счет рефлексии, чем у почитаемого поэта и философа **И. М. Губермана**, не найду. Вот она, моя антипровинциалистская меморика: “С той поры, как из юности отчалил / И к подлинной реальности приник, / Спокойное и ровное отчаянье / Меня не покидает ни на миг” [10, 88]. Поэтому, на очень уж необычную тему, буду писать в сгущающихся мизантропизмах, прочитав которые, кто-то, может, и поймет, а поняв, оправдает. (Между прочим, отмечу, что восемь лет тому назад аналогичную “задачку” я задал современным “верхам”, — речь вел о реформе [4]. Но, кажется, это никого “не задело”...).

Многолетние наблюдения политико-суверениабельной жизни Независимой Украины подвели к выводу: в нашей транзитной стране тлетворной провинциализации интенсивно поддаются не только “политические верхи”,

но особо непоправимо — подведомые ими “народные низы”. Наиболее же “избитыми” оказываются такие отрасли социально-политического быта, как (а) креативные инновации, (б) “всегда дежурные” в нормальной стране социально-политические концепции непрерывного реформирования жизни и (в) вечно динамичная политическая демократия. Разве можно спокойно наблюдать за тем, как в указанных отраслях жизни “верховенствующие” лица и “народно-низовые” группы просто упражняются в каком-то “искусстве болтовни” (*table talk*), а “в низах”, как очень уж медленно переводятся те всеядные несмышлениши, которые “в низовой/местной политике” (всего зримей в секторах *mahen-geschäft*, кумовства и nepoтизма) ловко упражняются в умении понравиться всем, дабы — “в случае чего” — самозащитно прослыть “неуязвимыми в своей хате с краю”?! В итоге, как замечает **Л. В. Костенко**, в такой стране и атмосфере, где и когда “все ненавидят всех”, где “все для всех — не люди”, — в такой стране “просто нельзя жить” [16, 244, 283]. В другом смысловом итоге вывод еще более катастрофичен: свою страну политические элитники всех иерархий и профилей до того “завзято” обокрали, спрофанировали, доварваризировали, — то есть запровинциализировали! — что каждый второй, еще растущий молодой житель хотел бы ее покинуть, а каждый четвертый взрослый ее уже давно покинул.

Оживает методологически богатая мысль **Л. Н. Гумилева**: на все явления, предметы, факты, события и т. п. реального мира (в нашем случае, — в политической жизни) можно смотреть с трех позиций: а) мышью норки; б) невысокого холма; в) орлиного полета [11, 116–117]. Поэтому уточню, что указанные позиции и есть мои “три визии” или три уровня интерпретации содержания и смысла явления политического провинциализма — (1) низовонародного, (2) среднеэлитного и (3) верхнеэлитного.

Трем уровням присущ “свой инструментарий” творения многопрофильными элитами политического провинциализма. “По идее”, все они должны бы быть под неусыпной инфлюэнцией **политико-теоретического разума, воплощенного (у культурных народов!) в образе политической науки текущей эпохи**. Ибо, как саркастически некогда (1919 г.) замечал **М. Вебер**, “политику делают только головой, а не иными частями тела или души” [5, 174]. Если же наши элиты, партии и депутаты “делают политику” другими частями тела или иными “неполитическими инструментами”, то они в качестве провинциализаторов страны многого своего уже добились. “В Украине, как ни в какой другой стране мира, — в сердцах и со знанием дела констатировала как-то **Ю. В. Тимошенко**, — политика превратилась в проституцию...” [29].

Не согрешу против истины, если попытаюсь дополнить приведенное “обобщение” следующим наблюдением: проституированы и некоторые другие сферы и отрасли общественной жизни страны. Особенно ощутимо — **экономическая жизнь народа**, некогда заслуженно прозванного “кормильцем Европы”, а теперь ... голодающего и — уже заслуженно! — занимающего 140-е места в мире по уровню экономической (и сугубо продовольственной) бедности. Разве это — “клевета”, когда в коммерц-холлах ВОТ нашу страну называют “товарно рискованной провинцией Евразии”? [14, 162].

Даже не касаясь других жизненных сфер и отраслей, вполне резонно задать следующие вопросы. Как и почему мы дошли до такой жизни? Какими такими “специфическими обстоятельствами” обусловлено постепенное исчезновение всечеловеческих позитивных реноме “трудящихся”, “толерантных”, “патриотических”, “коммуникабельных” и т. п.? Какими сугубо политическими фазами развития суверенной страны — да за такой короткий срок! — протекало указанное выше ретроградство?

Поскольку последний вопрос — наиболее рельефное вопрошание не в абстрактный эфир, а в реальное и “живое” политическое пространство, — с него и можно начать “достукиваться” до некоторых провинциализаторских/антипровинциализаторских индикаторов динамики конституирования изучаемого явления. Двадцатипятилетняя политическая история суверенной Украины “исполосана” тремя основными стадиями, на протяжении которых сам по себе политический провинциализм рос и крепчал на жизненной площади всех трех указанных уровней политического гражданства народонаселения страны, — низовонародного, среднеэлитного и верхнеэлитного. Эти стадии коррелируются с такими крупными стадиями суверенизации и провинциализации страны: 1) либерально-романтического патриотизма; 2) прагматического реформизма; 3) помаранчевого революционаризма; 4) регионального “новостроительства запущенной страны”. Резких хронологических граней между стадиями нет — их-то и “размазывают” своим мышлением и действиями родные политические провинциалы. В призме целевого предмета статьи достаточно будет ограничиться несколькими блиц-характеристиками указанных стадий.

На *первой стадии* политически крайне непрофессиональные и неопытные романтики считали долгом для себя, как можно скорей “оторвать провинцию от имперской России” и — через голову изумленных центральноевропейских соседей! — передать ее развитому Западу в качестве “младшего партнера” и “образца новой демократии”. На *второй стадии* полукрасные/промосковские технократы и социал-демократические реформаторы во все силы стремились суверенизировать страну, сообразуясь как с ее провинциальным прошлым, так и с твердой нацеленностью на то, чтобы “идти в Европу не со снятой шляпой униженного просителя, а в качестве равносильного партнера” (Л. Д. Кучма). *Третья стадия* — помаранчевого революционаризма — вполне правомерно может быть оценена, по М. П. Драгоманову, “...пятитиетием потерянного времени”. Тут-то всему миру стало ясно без доказательств: страна оказалась “в необъяснимой растопырке” (В. С. Черномырдин), т. е. в позиции двойной провинции, — и России, и объединенной Европы: с точки зрения геополитической — это центральноевропейский социум, а с точки зрения социокультурной — евразийский социум.

Самоостракируясь от “народной пуповины”, наши элитники стали жить по принципу: “Вышли мы все из народа, но больше к нему не вернемся” [24]. Уже после досрочных парламентских и президентских (от марта и июня 1994 г.) выборов стали комплектоваться всевозможные “кандидатские группы”, “партийные списки”, формальные и неформальные “центры принятия решений”, “группы давления”, “ротационные команды у руля страны” и т. п.

Вот с тех пор, — как только народ фактически оказался “отстраненным от своей судьбы” и от него навсегда отошли “лучшие из лучших” его репрезентанты, — с тех пор страна и начала “уверенно” проторивать маргинализационный “путь в никуда”, точнее — в тартарарскую провинциальную неизвестность.

Сложнее ответить на вопрос: “А что творилось в руководящих надстроечных командах, кругах, “центрах принятия политических решений”?. Если оттолкнуться от приведенного уже тезиса **М. Вебера** о том, что “политику делают только головой...” [5, 174], — невольно приходили к мысли, что, наверняка, головы избраннейших политиков и высших кратологов по зову и долгу должны были бы быть переполнены думой о народной судьбе, курсе и темпе развития страны. Ан, нет! Недавно проведенные (в 2016 г.) “вполслуха” кампании люстрации, декоммунизации и электронного декларирования доходов показали всему миру, что там индивидуальные и групповые головы напряженной всего думали ... о дележе и переделе народом созданной собственности, нежели об его судьбах и имидже страны. Значит, прав был **М. Вебер**, но в этом контексте еще более прав **С. Е. Лец**, утверждающий: “Власть чаще всего переходит из рук в руки, чем от головы к голове” [19, 358].

Вот почему и до сих пор у нас провинциально варваризированы едва ли не все основные устои жизни “большой, широкой и богатой страны, в которой нет порядка” (надо ли напомнить о том, что закавыченные слова — это эпистола древнекиевских славян 862 года в адрес бременско-варяжского князя **Рюрика**?). Наиболее ощутимо — после экономической сферы — цивилизационно деформирована политическая сфера. Радикально маргинализированы такие ее структурные элементы (секторы): 1) *политические отношения* людей по поводу системы власти над собой и самовластия в своей локальной социумной среде; 2) *политические институты*, которые эти отношения легитимируют и “закрепляют” правом; 3) *политические идеи* или *взгляды людей* на свои политические отношения и политические институты в данной, что ни на есть самой формообразующей сфере общественной жизни.

Человек, как отмечал классик **К. Маркс**, “богат или нищ своими потребностями, интересами и отношениями” [23, 555]. То же, думаю, можно отнести и к народу (народонаселению) какой-то страны. Политические блага изобильно производятся/воспроизводятся во всех трех указанных секторах политической сферы. Особенно осязаемым образом — в отношенческом секторе. Тут-то наиболее рельефно проявляются потенции и слабосилие *народнонизового уровня политического провинциализма*. Присмотримся к нему попристальной...

Провинциальное профанирование политики рельефно видно, скажем, на таких примерах-штрихах — да в сопоставлениях с чужестрановым “опытом”. (1) Когда весной 2009 г. Западу стала известна коллизия с “народным обычаем долларового посева” львовского судьи **И. Зварыча**, французский европарламентарий воскликнул: “Какой восточный провинциализм!” (2) Можно, наверное, колебаться и в классификации провинциализма следующего оттенка. В сентябре 2010 г. первокурсники нескольких вузов Днепропетровска, только вчера получившие студенческие билеты, на паперти областной госадминистрации устроили “флеш-моб забастовку” под девизом “Время

поспать” и с двумя “безальтернативными требованиями к власти” — “немедленно” дать возможность молодым: 1) “устраиваться на нормальной и престижной работе” и 2) “свободу участвовать в руководстве страной”. В противном случае “молодежи остается только впасть в спячку” [31]. Относительно стремления “получить престижную работу”, предварительно и основательно ничему не научившись, — об этом даже при советской власти не смели и мечтать.

А вот заявкой на желание “порулить страной”, предварительно не набравшись хотя бы миниморумных теоретико-кратологических (сегодня их называют: менеджментских, политико-управленческих) знаний из контекстов политической сферы, днепропетровские студенты “оголили” глубоко залегшую на дне народного менталитета утопическую провинциализму насчет “легкой доступности” дел **политического правления страной и управления народным хозяйством страны**, — стоит “только очень захотеть”... В восточно-славянских провинциях еще с конца XIX в. эту провинционизму довольно основательно разрабатывали русские и украинские “революционные народники”, словно эстафетой передав ее ленинским марксистам первой четверти XX в. В первые же годы после Октябрьской революции, когда всю политическую сферу, фактически, объявили “народным промыслом”, идея “народного самоуправления” стала препарироваться в “диалогии **К. Маркса — В. И. Ленина**”: любая политическая идея тогда становится политико-мобилизирующей силой, (а) “когда она овладевает массами”, особенно же осязаемо — тогда, (б) “когда массы овладевают ею”. Припомним, какие смехотрагические кувыркации разыгрывались в глубине народных масс России 1918–1920 гг. вокруг политико-кратологической идеи “кухарка во главе страны/государства”? Вывод для современности: со страной случится по-настоящему беда, коль ложно осмысленная идея завладеет народнонизовыми массами...

Подойдем хотя бы к нескольким аспектам этого провинциалистского феномена. Обозначу некую субъект-объектную провинциалистскую иерархию, выяснив, кто, за кем и зачем “наиуспешным образом” реально примитивизирует экс-провинции, а затем — и всю страну? На “материалах” всех четырех стадий политической суверенизации страны этот иерархический ряд видится таким: 1) народонаселение страны; 2) разнопрофильные элиты; 3) политические партии; 4) политическая нация; 5) политический класс; 6) правящий политикум. Коснусь основных граней вопроса.

В теоретико-философском смысле упомянутая диалогическая материя от **К. Маркса** и **В. И. Ленина** безупречна. В суверенной Украине именно в подобной контроверзе все и произошло с идеей политико-государственной независимости: провинциалистски деформированные **народные массы так и не поняли, о чьей независимости идет речь, — страны или государства?** Украине “позарез” необходима независимость: **от кого или от чего — да в каком смысле?** Идея независимости, “в своем самом общем виде”, в 1991 г. была брошена в неподготовленные и не умеющие самоответственно мыслить и поступать в политике народные массы. То есть к реализации была поставлена лишь первая часть диалогии. А коли так, последующее свершилось в коллизии “синдрома насильственного внедрения”, как у философического поэта-саркаста

И. М. Губермана: лидеры партий и классов “вовек не брали в толк: /идея, брошенная в массы,/ — что девка, брошенная в полк” [9, 11].

В Украине — с тех пор, отныне и в дальнейшем — так происходило и будет происходить: самые светлые и плодотворные проекции в перспективу (например: идеи радикального реформирования страны, разумно ограниченного партийного плюрализма, демократического местно-регионального самоуправления, дерегуляции экономического рынка, болонской методики подготовки современного специалиста в высшей школе, “построения объединенной Европы у себя дома”, властно-административная децентрализация, самобюджетирования/кредитования “национального производителя”, объединения собственников жилой площади и т. д.), — все они, увы! — априори обречены на погибельную нереализуемость.

Эта провинциалистская дисфункция оказывается неизбежной в случае образования в конкретной стране молчаливого противостояния между политической и социальной системами, между властью и ведомым населением, между элитами и народом. И тогда, как замечают наши современники, политические социологи **О. Донченко** и **Ю. Романенко**, даже если данную страну по локальным провинциям населяют абстрактно взятые сами по себе “чрезвычайно продуктивные, умные и самодостаточные индивиды”, — глубинные основы ее (страны) психокультуры “не способны интегрировать их в рациональный социум, ... из отдельных разумных существ продуцируется общество дураков” [12, 18].

Провинциалистскому одурачиванию населения страны способствует координируемый диктат над политикой руководства каналов и средств медиаинформирования людей союза олигархов у власти и “оппозиционных” олигархов. Оба “отцы народа” годами заигрывают с “бандитами пера и микрофона”, называя их “свободным каналом реализации народной политики государства”, “форпостом политической демократии в духовной сфере”, а временами — и “самостоятельной ветвью политической власти в стране”. (Эти заискивающие популизмы я и не думаю “документировать”, — все они взяты мною из разных “независимых источников” изданий соответствующих лет “потерянного времени”).

Теоретико-мировоззренческая провинциальность и тех (руководящих фигур правящего политикума), и этих (ролевых деятелей указанных “независимых центров принятия политических решений”) объективно проявилась уже в непонимании (или ребяческом забвении) того, что **СМИ и всемыслимые медиаинформационные/коммуникативные структуры являются институтами социальной системы, а не политической системы**. Те же, кто — по незнанию или по умыслу — путает эти разнополярные системы с их разносмысловыми институтами, в том не только их одних проблема, а общая наша беда — расплзающаяся метастазами болезнь примитивизации политического мышления и практической политической жизни страны.

Так уже с конца XVIII в. повелось в политической истории многих стран и народов, что высококачественные/низкопробные элиты синтезируются в соответствующего покроя **общественные организации** и **политические партии**. Позитивы и негативы в качественных характеристиках элит, орга-

низаций и партий детерминированы теми же характеристиками в структуре этнокультурных, поколенческих, профессиональных, этических и других качеств и цивилизационных показателей самого данного народа. А потому да будет четко осознано: выше означенных характеристик, качеств и показателей прыгнуть никому не дано, ниже или в сторону — можно. Наши элиты, большей частью, так и поступают.

Как правило, отмечал **Дж. Вико**, а за ним и **А. Дж. Тойнби**, “при ответе на вызовы времени” выше обозначенной “планки” способны прыгнуть лишь немногие древние народы (евреи, китайцы, индийцы, египтяне, эллины, римляне и др.), — именно те, которые перманентно выдвигали из своей среды высококачественные элиты и партии. Четыре пятых человечества — это “обычные народы, периодически способные к деградации” [28, 451]. **Дж. Вико** еще больше акцентирует внимание на этой мысли: деградантские народы, естественно, предрасположены к выдвиганию из своей среды деградантских партий, которые только и склонны “вести упорную партийную борьбу” и “затевать безнадежные гражданские войны”. В итоге все это и оборачивается против того самого народа, который, “ведомый в никуда своими партиями”, постепенно “начинает превращать города в леса, а леса — в человеческие берлоги” [6, 469].

А это уже не простая провинциализация страны, а элементарная ее “вторая варваризация”, “движение вспять”. Как нам относиться к тем партиям, которые на протяжении многих лет (снова процитирую **Дж. Вико**) “в упорной межпартийной борьбе”, ведшейся якобы во имя “совершенствования модели политико-государственного устройства”, превратили Украину в евразийскую развалину, а народ — в “одураченную биомассу”? Только мизантропически. Современный политсатирик утверждает, что нормальному человеку должно быть ясно: “В стране дураков и хамов разновидность государственного устройства большого значения просто не имеет” [8].

Однако и мимо *политически аморфного народа* тоже спокойно пройти нельзя. Достаточно “послать в пустой эфир” хотя бы, скажем, пять “почему?”, чтобы развеялись подозрения на “зряшный мизантропизм”. Например: (1) почему народ целесообразно — да из самых низов — не готовит свои элитные кадры? (2) почему на всевозможных политических выборах народ в массе поступает целиком безответственно, — грубо “продавая” свой голос? (3) почему в народных низах (сиречь, в структурах социальной системы и/или системы местно-регионального самоуправления) так до сих пор и не предпринимаются меры контроля за всевозможными своими “слугами” и “выдвиженцами”? (4) почему накануне и во время проведения разносмысловых социумо- и государствосозидающих акций и процессов низовые народные представители не предпринимают даже элементарных попыток самоосвобождения от духовно-политической темноты в вопросах власти, демократии, управления, права, законности и т. п.? (5) почему на протяжении десятилетий и веков — даже лучшие представители народных низов — и не пытаются разобраться в том, какова же настоящая логика политической жизни народа в треугольнике “страна — общество — государство”?

На политико-провинциалистский/антипровинциалистский стержень подобных “почему?” можно нанизывать сколько угодно. Вопросов без ответов наберется довольно много вокруг (или на базе) дуалитета **“политический суверенитет народа — государственная независимость страны”**. Тут — особенно “на терени” украинского политического сознания! — наворочено едва ли исчислимо много содержательной путаницы, смысловой аллитерации, умышленной переакцентуации, ложного мифотворчества, теоретической темноты и проч.

Сколько светлых надежд связывал украинский народ с феноменом “государственная независимость”? А о чьей независимости речь — страны или государства? И что это дало народу? Разве не предупреждал классик **А. И. Герцен** (1850 г.): “Далеко не все народы ведают о том, что **государственная независимость сама по себе никому не дает ничего**, — кроме права на достижение [политического] совершеннолетия...” [7, 475].

1. Является ли на сегодня украинский титульный народ-этнос политически совершеннолетним?.. Теоретически давно доказано: в стране, свободной в политико-государственном отношении, наивысшие шансы стать совершеннолетним народ получает во время подготовки и проведения равноуровневых политических выборов, — когда он, народ, становится непосредственным социумо- и государственным творцом. За двадцать пять лет мы пережили до десятка таких политических кампаний. Стал ли народ “вполне совершеннолетним”? Если бы... Двадцать пять лет назад (1991 г.) поэт **И. М. Губерман** на этот счет провидчески утверждал: “Самый простой способ / Отнять у народа свободу, — / Надо её просто / Доверить самому народу” [9, 7]. “Децентрализаторам” наших дней, на этот счет, есть над чем подумать.

2. А справился ли бы непосредственно народ с переданным ему сверху грузом самоуправления своими же общественно-политическими делами, — да еще в такой, перманентно и системно кризисирующей стране? Тоже нет уверенности. Приведенные выше пять “почему?..”, до сих пор “не покрытые” позитивными ответами, — для меня веское доказательство. Это — во-первых. А во-вторых, при представительной демократии народ просто вынужден принадлежущую ему политическую власть отдать в “функциональное исполнение” институтам политической сферы да органам государственной власти. И в этой коллизии я с нескрываемым удовольствием отдаю мизантропическому настроению поэта (2006 г.): “Вокруг себя едва взгляну, / С тоскою думаю холодной: / Какой кошмар бы ждал страну, / Где власть и впрямь была б народной” [10, 42].

Вот каким образом оказалась опустошенной содержанием внешне красивая и умная, “двуглавая” формула из ст. 5 Конституции, утверждающая, что народ есть: а) “источник власти” в стране; б) “носитель суверенитета” страны. Формула “обессилена усилиями” вышедших из народной среды элитами. Если в чем-то формула и верна, так это в том, что указанный “источник” экологически замусорен, отчасти просто отравлен. Относительно же “носителя суверенитета” можно обойтись констатацией: народ во “внутренних сферах” настолько обездотельностен (страна, как заметил однажды **В. М. Литвин**, “настолько развращена политикой и политиками, что ... она

просто не работает” [20]), что и невдомек ему думать о внешнемировом имидже страны и внешнеполитическом курсе государства. Более того, у большинства населения “сформировалась **ненормальная ментальность**, по нормам которой люди своими голосами приводят к власти тех, кого потом сами же и ругают за коррупцию, ложь и **неумение руководить страной** на богатейших и плодородных землях” [15]. Вот и получается, что вследствие всех этих негативных метаморфоз, деградаций и деформаций народонаселения **страна полностью провинциализирована**.

Если кто скажет, что при даже поверхностном описании “провинностей народа” у меня “слишком сгущены краски”, успокою: не он один тут грешен. Напомню формулу философского позитивизма: в обыденной жизни неверный шаг — **ошибка**, в этико-религиозной жизни — **грех**, а в политической — **преступление**. На фоне чего и склонен констатировать: в социально-политической жизни просто преступно грешны вечно ошибающиеся “лучшие из лучших” элиты — народные представители на всех участках и иерархиях политической сферы. Рассмотрим их внимательнее.

В двойственном деле депроvincialизации/провинциализации имярек страны двойственны же роли и функции **политических институтов**. В политической сфере тут особенно неоднозначны эффекты, производимые тремя институтами: 1) государственными органами; 2) политическими партиями; 3) отдельными политиками/депутатами. Общий негативный эффект неминуем в той ситуации, когда, как отмечают американские политологи, жизнедействие всех институтов политической сферы “начинает основываться не **на принципах**, а **на личностях**, — тогда-то и в самой сфере возникают **внутренние интриги**, которые профанируют и всю политическую сферу как систему...” [17, 135]. Интриганы у власти да интриги во властных механизмах (вспомним наших недавних “любих друзів”) и провинциализируют сначала представляемый политический институт, затем — всю политическую сферу, наконец — общество в стране. Какова общеисходная логика всей этой деградантской “эволюции вверх ступеньками вниз”?

Политический провинциализм — своеобразный продукт культурно-мифологической деятельности каких-то политико-региональных и этносоциополитических сил (изредка — и отдельных историко-политических личностей), переживающих кризис идентичности “про себя и для себя”, а в результате — и “для окружающей среды”. Самоидентификационный кризис проявляется в некоей растерянности политико-вождистских фигур — репрезентантов этих институтов — и перед своим прошлым, и перед сегодняшним политическим временем, и перед собственным отражением в зеркале текущей политической истории: “Кто я/мы? Откуда и куда меня/нас влечет поток времени?” Самой пагубной чертой этого дезидентификационного явления — **самопровинциализирование индивидов, социальных и политических групп, а в итоге — и всего социума**. А самая живительная среда для него — общая неуверенность представителей всех социальных слоев и даже для отдельных сегментов политического класса соответствующей страны: а есть ли родная почва под ногами? Эту политико-психологическую коллизию накануне начала сталинских репрессий 30-х годов **Осип Мандельштам** (в декабре 1933 г.) выразил тревож-

ным политическим символом: “Мы живем, под собою не чуя страны...” [22, 370]. Свой апровинциализм поэт вскорее искупил ценой собственной жизни.

Это весьма и весьма неординарная политико-психологическая ситуация в имярек стране. Ее социум тогда раскалывается на несколько социальных прослоек, выдвигающих из своей среды (и требующих покровительства над собой) определенного числа социальных, политических, правовых, этнокультурных, этико-религиозных и других институтов. Сразу же замечу, что о неведущей роли в их среде политических, экономических и правовых институтов не может быть и речи. Это — аксиома. Однако столь же аксиоматическим стал для нас и **факт полного поглощения государством** всех всемыслимых социальных, не-политических институтов, особенно трех, выделенных ранее. Вследствие этого государство объективно становится (1) и страной, (2) и обществом, (3) и олицетворением инструментального характера политики, (4) и единственным источником и интерпретатором права, (5) и основным экономическим субъектом страны. Путь к тоталитаризации/варваризации/провинциализации страны проложен.

Подойду поближе к **провинциализаторскому потенциалу сугубо политических институтов**. Самое существенное тут кроется во внутренней кадрово-человеческой дифференциации состава и структур самих этих институтов как во времена “тихой и незаметной эволюции”, когда, как отмечал классик, “люди делают свою политическую историю, даже не подозревая об этом” [23, 118], так особенно же накануне судьбоносных для данной страны социумо- и государствовтворческих событий и процессов. Тогда-то этот кратолого-руководящий люд гибко — и не всегда на виду — дифференцируется на три группы потенциальных политических провинциалов:

- на тех, кто, вышедши из народных низов, мало-помалу теряет всяческие связи со своим базисом и впоследствии обретается на разных участках “властного поля” политического класса;
- на тех, кто, “вдруг” осознав свою “исключительность”, больше о своей “народной пуповине” громко не вспоминает;
- на тех, кто, едва выделившись из народнонизовой среды, постепенно “съедает свой ресурс” на маргиналиях местной политической жизни и впоследствии откristаллизовывается в микрогруппки “региональных диссидентов”, “людей свободных профессий”, “среднеслабых бизнес-лиц”, шоуменских деградантов и др.

Между указанными группами и микрогруппками стратагемных “непроеходимых китайских стен” нет. Их плавно перетекающими друг в друга синтезами являются “национально обеспокоенный патриот”, беззащитный “интернационал-апатрид” и бесхарактерный “космополит”. В полиэтнической стране эти среднетипические политические провинциалы вечно раздваиваются между пылающей любовью к “светлому прошлому” своего народа и геростратовской неприязнью к “темному настоящему”, между завистью к более богатым и обустроившимся соседним народам и щемящей ненавистью к меньшинским народам-этносам, то есть к “меньшим братьям по совместному нищему обитанию” на одном и том же конституционно закрепленном геополитическом поле. Этот совокупный социополитический тип мне жутко напо-

минает “китайского мифокреативца” у **В. Г. Белинского**, который “любит все свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразиям и уродством” [2, 640].

Усредненным и перекрестным подтипом, насквозь фальшивой фигурой современного правящего политика, а одновременно — воплощенной сущностью современного политического провинциала является **так называемый “народный депутат”**, — как прежних (советских 80-х годов), так особенно и нынешних времен. В качестве политического эксперта я довольно много лет обретался в “депутатской среде” и, кажется, неплохо усвоил фундаментную историологию следующего **закона Мерфи**: “Чем ближе вам факты какой-либо ситуации, тем очевиднее становятся ошибки в подаче старого материала об этой ситуации” [25, 54]. Какова же ситуация вокруг **депутата — специфически провинциализированного политического института?**

К сожалению, мало кто у нас смыслодержательно различает социальные и политические институты. Однако все доподлинно знакомы с **челночным “объединителем” тех и тех институтов. Это — депутат, своего рода quinta essentia всякой коллективно-представительной власти в демократической стране.**

А в квазидемократической — да еще слаборазвитой — стране? Тоже, но с оттенком идеосинкразии: опытом уже доказано, что в такой стране, как наша, депутат есть объективный извратитель народной воли, фальшивоносец идеи народовластия и — очень часто — основной фигурант в сети сознательных/бессознательных действий власти по провинциализации и акультурной варваризации страны. Учитывая низкого качества его **законотворческую деятельность** и, как правило, инсценированную **законодательскую деятельность**, — в непросвещенных глазах слабосильного народа он и есть его адекватный репрезентант в политике вообще. В этом контрверзном смысле он — воистину есть “народный депутат”. Ибо же тут акцентно действует историологическое правило-кредо: **каков народ — таков его депутат. И — наоборот.**

Об историологии конституирования этого **подтипа политического провинциала** необходимо сказать хоть пару, если не аналитических, то хотя бы констатационных, — слов. Но об этом следовало бы детальней поразмышлять в гегелевском триадно-конституационном стиле, ведь таким — воистину диалектическим методом — наиболее близким к истине способом, выяснили б историологике появления на Божий свет этого институционального уродца.

В политико-правовом базисе феномена вопрос: кто/что ментально-образно, частично и концептуально формирует, а затем персонифицирует политическую волю народа-избирателя? Наиболее рельефны и эффективны такие модели: 1) **мажоритарная** (в нормальной стране субъект-демиургом воли и ориентаций избирателя является хоть какая-то система политического просвещения населения); 2) **пропорциональная** (в нормальной стране тем субъект-демиургом политической воли граждан являются социальные институты вообще и в частности — **общественно-политические ассоциации и политические партии**).

Один из секретов, в общем и целом, благопозитивного многолетнего бытия советской власти состоял в том, что в любой провинции огромной страны, шатко-валко, но жизнедействовала органично вписывавшаяся в контексты всевозможных “выборов без выбора” хорошо продуманная и часто драконовски действовавшая “система политпросвещения трудящихся”. К сожалению, в Украине нет никакой системы политпросвещения и никаких цивилизованных политических партий, вследствие чего народ не знает о политике почти ничего, разве что почерпывая о ней примитивные эмоции из наблюдений драк и словесных стычек в парламенте. Вот и самообнажился ответ на давно висевший в эфире сакраментальный вопрос: откуда же и почему у нас уже перманентно миру является так называемый “народный депутат” в почти неизменном уродливом виде?..

Однако картина намного просветлеет, если к ее анализу приступить в призме упомянутой гегелевской триадной концепции диалектического конституирования какого-то объект-субъектного феномена (“возникновение — становление целостностью — развитие на собственных основах”). Обе избирательные системы — мажоритарная и пропорциональная, и даже их половинчатая производная, смешанная, при сохранении уже отмеченных изъянов (в частности, при отсутствии в стране системы политпросвещения следует добавить: и при весьма безалаберном изучении во всей образовательной сети социально-политических дисциплин, а также при отсутствии в стране зрелой социальной системы, независимой от политического государства), — при всем при этом мы окажемся в провинциализирующем политическую сферу результате. Уверен, миру представится все тот же деформированный тип: *наш депутат — и не законотворец, и не законодатель, и не народный представитель в политической сфере*, — он был и пока остается “расплывчатым, порядком надоевшим народу политиком — кость от кости народной...”

В коротком варианте проследим эволюционный путь “явления миру” этой “народной кости”. *“На стадии возникновения...”* [или “спуска сверху”] самой идеи проведения каких-то всестрановых или местных политических выборов “образ народного представителя” в политической сфере весьма и весьма расплывчат, для большинства “местных людей” он “совершенно нематериален”. По очень простой, анальфабетической причине: без хотя бы каких-то “импульсов-искринок со стороны”, отмечал в своем дневнике **М. Е. Салтыков-Щедрин**, народ о политике “не имеет никаких реалистичных представлений, — он об ней просто ничего не мыслит” [26, 201]. Это было сказано о провинциализированной России 70-х годов XIX века. Полстолетия спустя эту же диспозицию зафиксировал **В. И. Ленин** — и не только на русском материале. В 1921 г. он отмечал: “В народных низах любой, даже и развитой европейской страны минимум одна треть — это люди, политически не мыслящие и мыслить неспособные” [18, 301, прим.].

Кстати сказать, задача политической провинциализации СССР сталинистами была поставлена к реализации в самом начале 30-х годов XX в. именно в контекстах идеи “политической инфантилизации немыслящего человека из массы” и превращения его в ничтожно малого “винтика государственной

машины”. Разве же нынешняя наша страна — исключение? Много ли в ней изменилось? Вернувшись к первообразу “местной избирательной ситуации” и к прообразу “народного избранника”, без обиняков можно констатировать десятки раз уже на нашем опыте повторяющееся, то есть закономерное: “модераторы из центра” (или так называемые “руководящие вертикалы сверху”) в первичные “списки найдостойнейших” всегда да по своему усмотрению включают “тех, кого следует”.

При этом объективировалась интенция солидного сектора правящей политикумной элиты: “Ничто так не объединяет людей с *разными взглядами*, как полное отсутствие *общих принципов*” [21, 258]. Ибо же и для “центристской элиты”, и для “местной элиты” не имеет значения, какова модель избирательной системы и каков типологический характер данного электорального списка, — “инициативный”, “местно-активнический”, “однопартийный/межпартийный”, “альтернативный” и т. п. Таким образом, “политическую волю низового народа” кто-то и как-то “сформировал”, а “народный избранник” из первичного кокона вылутился. Проследим, далее, как это — историологически и “в принципе” — деется в нашем политическом опыте.

“На стадии становления...” [институционально целостной фигуры] недавно “народившийся в низах” депутат апробируется уже на среднеэлитном, областном, а по-старому — верхнепровинциальном — уровне. Модель избирательной системы решающего значения, как и раньше, не имеет. Почему? Анализ отечественного политического опыта позволяет ответить на вопрос так: потому что упомянутый “среднеэлитный уровень” — это знакомая от **Н. Макиавелли** и **В. Парето** среда местно-региональных “львов” и “лис” [14, 4, 19], которые, как чеховские сестры, только и мечтают о том, чтобы *“во что бы то ни стало* выбраться из затхлой провинции в людную столицу, — а там будь, что будет...” А когда “во что бы то ни стало...”, то ради реализации правильно определенной цели все средства хороши... Отсюда вывод: “хорошего депутата” и на этом уровне страна не получит. Почему же?

В цивилизованных странах политические партии возникают в низовонародной среде — вначале в виде расплывчатых социальных движений и протопартий. А у нас эта партология разыгрывается не в “низах”, а на среднем (провинциальном, административно-областном) и верхнеэлитном уровнях, и “первостроительным материалом” для них как раз и являются депутатские “львы” и “лисы” плюс протопартийно-общественные “активисты” провинциального/регионально-местного масштаба.

Вот тут и “варится” многопрофильная “местная политика” — социальная, экономическая, этнокультурная, этико-религиозная, трансграничная и проч. По мнению американского политика-парламентария и политолога **Т. О’Нила-Младшего**, “любая политика — это местная политика, а последняя — самая нужная, важная и интересная политика” [30, 198]. Выходит, что важно лишь знать, какой субъектно-людской силы или группы является данная политика, а также чьи чаяния и в какой местности (регионе, провинции) страны она реализуется на практике. Можно предположить, что провинциальная политика — это содержательный и качественный срез “местной внутренней политики” вообще.

На второй, провинциальной стадии конституирования нашего депутата (в кадре гегелевской триадной концепции) этих черт выявим несколько: 1) четкого “партийного профиля” он еще не имеет; 2) кадрово-депутатские группы (“влияния”, “давления”, “лоббирования интересов” и т. п.) еще только коагулируются; 3) всенародные и генеральной значимости задачи социально-политического развития *всей страны* для данной местности/провинции/региона — довольно расплывчатые, еще “нечеткий указ”; 4) политико-идейные ориентации и СМИ из центра “тут редко ходят”; 5) за руку — или с “приличными знаками” да с надлежащей почтительной дистанции — тут здороваются, преимущественно, с назначенными из центра администраторами, избранными муниципалами, самопроявившимися неформальными лидерами и рельефными местными бизнес-фигурами.

О геополитических и этнокультурных контурах и идеолого-политологических характеристиках этой *формирующейся провинции* мы мало что узнаем до того момента, пока из центра не объявят “профиль/уровень” и дату очередных политических выборов. В цивилизованных странах бытует еще один вариант, когда “местная” депутатская жизнь не реанимируется до тех пор, пока некий, едва кому со стороны видимый, консилиум лидеров местных институтов — костяка *социальной системы данной провинции* — не объявит “местный референдум” по какой-то сущностно значимой социально-политической проблеме.

Как говаривал один литературный герой **М. Е. Салтыкова-Щедрина**: “Вот тогда-то даже самая сонная провинция запляшет...” [27, 116]. Пляски те будут пронизывать два гармонизирующих друг друга ритмичных мотива — депутатский и партийный. Отныне, без особых посторонних “камертонов”, (1) сангвинически будут составляться “местные кандидатские списки”, (2) оживится до того пребывавшая в дреме “партийная самопрояснительская работа”, (3) снова сактивизируются всяческие “общественно-инициативные группы”, (4) начнут самопроявляться “на поверхности” доселе мало кому известные неформальные “центры принятия [всемерислимых] решений”, (5) “нановомдыхании” дадут о себе знать этноэтические и культурно-религиозные полузабытые ассоциации, СМИ и т. п.

Таким образом, “почти что вдруг” *местные люди начнут обновлять в менталитете свою родную, как оказывается, не навсегда сданную в исторический архив провинцию*. На этом “реставрационном” фоне постепенно начнет самопроявляться и *политическая двусущностная — “народная” и “партийная” — фигура еще будущего депутата*. На второй стадии гегелевской триады он — синтезное средоточие выделенных выше двух групп (по пять) факторов, объективно реанимирующих данную экс-провинцию в менталитете местного населения. Пусть бы этому историологическому процессу деструктивно б сопротивлялся политико-государственный центр страны всей мощью административного права и праворепрессивных органов.

Как уже отмечалось, вторая часть политической сущности депутата — это сугубо политико-партологическая материя. Эта “депутатская половинка” перипетийно “творится” и апробируется в пестрой плюралистической среде ячеек *трех институтских сущностей хомо-политикуса вообще: (1) эт-*

нокультурной, (2) социально-политической и (3) политико-партийной.

Вот как это, например, произошло в октябре 2010 г. в г. Ужгороде. Там за 54 депутатских места в городском совете, “не щадя себя и других”, боролись 378 кандидатов, представлявших 31 местную партийную ячейку “всестранового масштаба”(!) политической партии “регионалов”. То есть за одно депутатское место тут “взаимобеспощадно состязалось” по двенадцать кандидатов, якобы долженствующих быть “приверженцами определенной общенациональной программы общественного развития”, как того требует от любых партий ст. 2 Закона “О политических партиях в Украине” от 5 апреля 2001 года.

Нетрудно представлять себе облик этого провинциала на последующих стадиях электорального (самого сложного политического) процесса, — даже при том, что на данных выборах он представлял не “свою среду”, не свою социальную базу, а может — и не свою политическую партию. Ведь против него — априори “три минуса” (из-за чего сама ситуация ostrакирует его): а) интеллектуальный апровинциализм; б) партийное аутсайдерство; в) несовместимость политического представительства и собственной социальной базы.

К этой триадной коллизии приведем весьма яркую иллюстрацию. После того, как в 1897 г. **И. Я. Франко** опубликовал в журнале “Галичанин” статью с призывом “научиться чувствовать себя украинцами не галицкими или буковинскими, а украинцами без официальных границ”, а при баллотировке на выборах, в кандидатской “индивидуальной программе”, он — доктор права Венского университета, знаток до десятка иностранных языков, тонкий гуманитарный интеллектуал — обозначил себя инициатором создания “радикальной партии” и “русыном — объективным крестьянским послем”. После всего этого вовсе не удивителен “электоральный результат”. Мнимый провинциал **И. Я. Франко** неслучайно проваливался дважды: в 1898 г. — в центральный австрийский парламент и в 1900 г. — в провинциальный галицкий сейм [1, 303].

Вернусь к анализу коллизии в методологическом кадре гегелевской триады... **“На стадии развития на собственных основах...”** депутатско-партийный провинциал проделал “путь из провинции — в центр” в сети взаимоперемежающихся социально-политических процессов — электоральных, социумо- и государствотворческих, административно-правовых, экономико-хозяйственных, технико-технологических, организационно-коммуникативных, геополитико-транзитных, этнокультурных, этико-религиозных и др. Обратим внимание на стержневую социально-политическую компоненту этих процессов: всех их пронизывает политико-преобразовательская жилка *хомокреативуса* (“творческого человека”), а потому и все они объективным образом “берут старт” в деятельностно-творческой или, наоборот, в затхло дремучем городе Глупове **М. Салтыкова-Щедрина**. В той мере, в какой наш депутат “в начале начал” тех процессов оказался каким-то позитивом, самовыделившимся в своей провинциальной среде, — в той лишь мере он откристаллизовался в качестве “лучшего из лучших”, а потому и дислоцировался в центр страны. А уже здесь ему неоднократно придется апробироваться в

бикоординатах саркастической контроверзы, когда о нем скажут: “Если ты — лучший из лучших, — каковы же худшие из худших?..”

Если выдвинувшие его социальные и политические институты, особенно давшие ему “первоначальную полетную траекторию” партии, сами по себе высококачественны (например, укомплектованы положительным кадрово-людским составом, держат постоянную творческую связь с прародителем — трудонизовым народом, программы своей стратегической жизнедеятельности подживляют творческими импульсами из среды родственных и смежных этносоцикультурных институтов и ассоциаций и т. д.), — всем этим **всестрановые политическая нация, политический класс и правящий политикум** системно обогащаются кадрами и опытом провинций, а страна принаращивает свои стратегические потенции. Ибо же “почти безотказно” действует кратологическое правило древнелатинца **Публия Сира**: “Каковы “видные люди” из провинции, таково и центральное руководство полирегиональной страны” [6, 308].

Затронутая “двухполосая диалектика” детерминирована двустержневой природой человека — мыслителя-творца и экономного потребителя, а также двузначностью постоянно решаемых любой страной проблем своего социально-политического развития. А потому и к нашему депутату, как к законодворцу, законодателю и политику, вполне аппликуема (правда, несколько перифразированная) аксиологика следующего **закона Мерфи**: либо он — часть решаемой его провинцией и страной проблемы, либо же он — часть-квант теоретической методологии решения этой проблемы [25, 542].

Анализ теоретико-аксиологических аспектов темы дает основание констатировать: если, вопреки всем апробированным в политической истории цивилизованных стран закономерностям, у нас почти все происходит с точностью до наоборот — это значит, что наша страна и ее народонаселение еще очень молоды, или, как говорил **А. И. Герцен**, “политически несовершеннолетние”, ибо состоят из разрозненных и слаборазвитых провинций, “ведомых” незрелыми элитами. Последние с железной логикой гегелевской диалектики выталкивают из своей среды слабосильных макиавеллиево-паретовских “львов” и “лис”, пустомечтательских чеховских сестер и гоголевских провинциальных прохвостов-“мэров”, которым “все равно, какими генералами быть, — от кавалерии или от инфантерии”, — “лишь бы в центр выбраться из дохлой провинции”.

А уж оказавшись в центре, все они, можем быть уверенными, запровинциализируют страну по образу своему и подобию и до неприличной неузнаваемости... Что мы и имеем перед собой сегодня: они исказили все парламентские легислатуры суверенизационной эпохи; из их среды рекрутируется уже ...надцатое — и очень часто — непрофессиональное (а революционно-деструктивное по сути) правительство; они заполнили собой кадрово-служебные аппараты всех центральных кратологических институтов и правоохранительных органов; они создали нежизнеспособные партийно-политические системы, утопив в них бледные зачатки социальных институтов при первой же их попытке проявить свою независимость от государства; они создали модель левиафанового политического государства, вмешивающегося во все со-

циогуманитарные и этносоциальные дела “неполитического” общества. Своей некачественной парламентской работой, а по сути — профессиональной, политической, моральной и интеллектуальной безответственностью, они дискредитируют свои родные, выдвинувшие их на арену политики ойкуменские провинции и просто унижают страну перед лицом современников.

Если бы стояла задача внешнедистанционного визионирования этого институционального феномена (франц. *distension visièrement* — прозрачно обозримый простор), можно было бы ограничиться упомянутой “тройной призмой” **Л. Н. Гумилева** и анализировать коллизию с позиций: а) мышшиной норки; б) небольшого холма; в) высокого орлиного полета, — тогда бы и наш “народовыдвиженец” смотрелся бы взаимоприемлемым (и для него, и для наблюдателей) образом. С большим сожалением констатирую: **до сих пор и обществу, и сам депутатский корпус взаимооксиологизируют друг друга ... с позиции мышшиной норки**. И временами даже довольны этим, ибо оба обретаются в одной политической провинции, именуемой не то “страной”, не то “обществом”, не то “государством”. А все потому, что “в парламенте, — резонно заключает коллизию **В. М. Литвин**, — не боги сидят, а те, кого люди избрали, или же те, кто нашел “свой подход” к людям” [20]. “Успешно” провинциализирующий страну/общество/государство депутатско-партийный институциональный круг замкнулся...

Есть ли выход из этого круга? Наверняка есть или обязательно найдется. Как говорят биологи, “точки роста” моего оптимизма на этот счет уже “пунктирно обозначаются”. Некоторые из этих точек мне представляется в следующих визиях и очертаниях.

Сегодня в стране — всерьез и надолго! — разрабатывается, обосновывается (и уже “на ходу” реализуется) невообразимо объемная программа разносмысловых социальных реформ. Среди них — исподволь, но решительно и целеустремленно уже реализуется, — научно-образовательная реформа. Ее ощутимо реальные “продукты” — разноуровневые научно подкованные кадры профессионалов, из среды которых и будут рекрутироваться разнопрофильные элиты, в том числе — политические. По логике вещей, они и должны будут “подставлять плечо” правящему политикуму в его надлежащих усилиях по выведению страны из провинциального статуса.

В высшей политикумной среде день ото дня зреет/мужает перспективно весомая мысль о необходимости близкой и весьма радикальной парламентарнологической реформы. Два ее конструкта акцентно привлекли мое внимание. **Во-первых**, вскоре огласят концептуальные основы новой избирательной системы в дуальной проекции — или полный поворот к мажоритарной модели, или реанимация смешанной модели (50 % депутатов из округов и 50 % — из списков низовых первичных ячеек политических партий). **Во-вторых**, в указанной кратологической среде ведут речь о целостной новелле. У нас, как в воистину цивилизованных странах, предендентов на депутатскую скамейку парламентарнологическим азам начнут учить — профессионально да на всех уровнях — задолго до начала реальных избирательных кампаний.

Примечательно и то, что “кандидатов в ученики” тех парламентских структур будут выдвигать первичные ячейки всестраново известных политических

партий. В этих проектах мне видятся и некие начатки прагматической концепции “одновременной ловли трех зайцев”: а) за счет местных протопартий и первичек зрелых политических партий будут облагорожены основы провинциальной социальной системы и сеть территориальных структур системы местного самоуправления; б) “импульсами сверху” будут укреплены основы мини-политических систем соответствующих провинций/регионов; в) едва ли не главная искомая контрверза — несомненно повысится политическая ответственность местных избирателей за качественный состав кандидатов в будущие депутаты всех уровней.

Примечательно, что происходящие процессы в стране свидетельствуют и о том, что, впервые за годы Независимости, образовалась единая цепь ветвей и институтов политической власти сверху донизу. Можно надеяться на то, что единотональные “руководящие импульсы сверху вниз” выведут народ из полусонного транс, динамизируют его дремлющие творческие силы и вернут его в конституционный статус “единственного источника власти” и “носителя суверенитета” страны на мировой арене. А отсюда не очень далеко и до реализации прогноза **В. М. Литвина**, что Украина вскоре может стать “весомым игроком на глобальной арене” и “перестать демонстрировать миру свою провинциальность” [20].

На последних страницах статьи я стремился акцентировать внимание на тех “правильных тенденциях” в жизни страны, которые рельефируют дорогую мне мысль [5]: чем успешней будет материализована недавно обнародованная Президентом **П. А. Порошенко** программа радикальных социальных реформ (иначе говоря, чем быстрее реализуются отмеченные выше “акценты на позитив” в нашей грядущей жизни), тем оптимальней обозначатся курс и темп выхода страны из нынешнего своего провинциального статуса. ... А уже “вместе с тем”, “одновременно” и “на том фоне”, куда денется и мой незлобивый и незряшный мизантропизм! Ибо уж очень хочется искренно пропеть строку из песни молодых лет: “Жила бы страна родная, — и нету других забот!..”

Источники

1. *Антоненко В. Г.* Иван Якович Франко // Юридична енциклопедія / За ред. Ю. С. Шемшученка. В 6-ти томах. Том 6. К.: Юрінком, 2004. 768 с.
2. *Белинский В. Г.* Сочинения. В 3-х томах. Том I. М.: Огиз, 1948. 612 с.
3. *Варзар І. М.* Теоретико-історіологічні роздуми про дуалітет “геополітична провінція — політичний провінціалізм” // Актуальні проблеми сучасної провінціології: Зб. тез і матеріалів за 2006–2009 рр. Одеса: ТЕС, 2009. С. 2–34. 140 с.
4. *Варзар Іван.* Радикальні реформи — єдиний порятунок для України // Політичний менеджмент. 2009. № 1. С. 34–48.
5. *Вебер Макс.* Соціологія. Загальноісторичні аналізи. Політика / Пер. з нім. К.: Основи, 1998. 534 с.
6. *Вико Джамбаттиста.* Основа нова науки об общій природі націй / Пер. с итал. Москва–Киев: “REFL–book” — “ИСА”, 1994. 656 с.
7. *Герцен А. И.* Сочинения. В 30-ти томах. Том XI. М.: Мысль, 1962. 542 с.

8. *Голобородько Володимир*. Тези й антитези // *Голос України*. 2010. 31 липня.
9. *Губерман Игорь*. Гарики на каждый день. Том I. М.: МП “ЭМИА”, 1992. 296 с.
10. *Губерман Игорь*. Гарики из Атлантиды. Минск: МЕТ, 2006. 222 с.
11. *Гумилев Лев*. Чтобы свеча не погасла. Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. М.: Айрис-пресс, 2003. 560 с.
12. *Донченко Елена, Романенко Юрий*. Архетипи соціального життя і політика (Глибинні регулятиви психополітичного повсякдення). К.: Либідь, 2001. 334 с.
13. *Жванецкий Михаил*. Собрание произведений. В 4-х томах. Том I: Шестидесятые. М.: Время, 2004. 256 с.
14. *Зоткин А. А.* “Львы” и “лисы” украинской политики. О властвующей в Украине элите. К.: Наукова думка. 2010. 342 с.
15. *Корж Віталій*. Право вибору і відповідальність за вибір // *Голос України*. 2011. 28 січня.
16. *Костенко Ліна*. Записки українського самашедшого. К.: ХХІ століття, 2011. 416 с.
17. *Куниц Г., О’Доннел С.* Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций / Пер. с англ. В 2-х томах. Том I. М.: Прогресс, 1981. 410 с.
18. *Ленин В. И.* Детская болезнь “левизны” в коммунизме. Полное собрание сочинений. В 55-ти томах. Том 41. М.: Политиздат, 1969. 410 с.
19. *Лець, Станіслав Ежи*. Почти все / Пер. с польск. Екатеринбург: У-Фактория — М.: АСТ, 2008. 928 с.
20. *Литвин Володимир*. Кожен конфлікт у Верховній Раді, кожне блокування — це шрам на моєму серці // *Голос України*. 2010. 28 грудня.
21. *Малкин Геннадий*. Афоризмы для умных людей: Не падай духом где попало! Сборник афоризмов. М.: РИПОЛ-классик, 2006. 480 с.
22. *Мандельштам Осип*. Камень. Л.: Наука, 1990. 400 с.
23. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 8. М.: Политиздат, 1967. 806 с.
24. *Оленків Т.* Президент відвідав Український П’ємонт // *Західна Україна*. 1992. 25 лютого.
25. Полное собрание законов Мерфи [Текст] / Пер. с англ. Минск: Попурри, 2006. 608 с.
26. Салтыков-Щедрин М. Е. в воспоминаниях современников / Предисл. и коммент. С. А. Макашина. М.: Художественная литература, 1957. 308 с.
27. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Избранное. М.: Современник, 1976. 624 с.
28. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
29. *Фльорка В.* Перечитуючи Леніна? // *Голос України*. 2010. 18 грудня.
30. *Хейвуд Ендрю*. Политология: Учебник / Пер. с англ. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2005. 544 с.
31. *Швець Максим*. У Дніпропетровську — флеш-моб // *Голос України*. 2010. 20 вересня.
32. *Эренбург Илья*. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Том 6. М.: Художественная литература, 1965. 698 с.

Виявлені основні джерела, внутрішні та зовнішні міжнародні об’єкт-суб’єктні імпульси до провінціалізації основних структурних секторів політичної сфери — відносин, інститутів та поглядів людей на політичний базис і політико-державну надстройку даної країни. Проаналізовані

процессы провинциализации политической элиты, политических партий, статуса “народного депутата” и самого народа (“политического избирателя”), которые являются одновременно и субъектами, и объектами материализации этого явления.

Виявлено основні джерела, внутрішньокраїнові та зовнішньоміжнародні об'єкт-суб'єктні імпульси до провінціалізації основних структурних секторів політичної сфери — відносин, інститутів і поглядів людей на політичний базис та політико-державну надбудову певної країни. Проаналізовано процеси провінціалізації політичної еліти, політичних партій, статусу “народного депутата” та й самого народу (“політичного виборця”), які є одночасно і суб'єктами, і об'єктами матеріалізації цього явища.

The synthesized by the author phenomenon of the political provincialism is investigated on the wide idea-concept and historyological background, with the discrySTALLIZATION of genesis and origin conditions, with the discovery of the objective sources and its subjective carriers, levels of its current existence and impulses for future development. Locus of phenomenon institutionalization is a political sphere. The particular attention was devoted to historyology of provincialising of that political institutes which where crated by the people — “national leader of the country” (president), “national deputy” (the canoe between the social and political systems, “political voter”). The realistic analysis concludes with not so cheerful deductions: because of low-quality cratology of the govern politicum, unprofessional vital activity of political elites (especially — “deputy corps” and “poly-party activists” of the country) and irresponsible behaviour of the corruption depraved voters on the political elections; in the infernal conclusion Sovereign Ukraine of the beginning of XXI century proved to be barbarously provincialised in geopolitical space between the quickstepping united Europe and the ethno-living Eurasia.

Надійшла 6 лютого 2017 р.